МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРВЫХЪ ДНЯХЪ ВСЕРОССІЙСКАГО БУНТА.

Сергѣй Лучаниновъ.

Августейшему ревнителю памяти Государя Императора
Николая II
от Автора
С. Лучанинов
31 августа 1917

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРВЫХЪ ДНЯХЪ ВСЕРОССІЙСКАГО БУНТА.

Сергѣй Лучаниновъ.

Гавриилъ

Пишу свои воспоминания о первых днях всероссийского бунта не для широкой общественности, а как вклад в историю своего родного Лейб-Гвардии Петроградского полка, в котором служили: мой отец, я и мои два брата Михаил и Димитрий, из которых первый т. е. Михаил отдал свою молодую жизнь Царю и Родине, будучи смертельно раненным в войну 1914-1918 года.

Не вдаваясь в подробности, а лишь излагая факты я не берусь искать и судить виновных в трагических событиях давших нашей родине потоки крови и слез - скажу лишь одно: вина на всех нас русских людях, в частности на нас военных, помнивших свои права и забывших свои обязанности начальника, строгого, справедливого и рыцарственного. Бесспорно большая вина в происшедшей катастрофе должна быть отнесена к высшему начальству, не знавшему обстановки, потерявшему связь с подчиненными ему частями еще в начале выхода бунтующих рабочих на улицу и наконец к невирной расчет на Петроградский гарнизон, - якобы могущий подавить возстание, если оно произойдет.

Не меньшая вина и на младшем командном составе которому была поручена охрана Столицы. Они слишком легкомысленно отнеслись к грянувшим грозным событиям, не проявили достаточного упорства и рыцарственности, которая увлекла бы за собой рядовой состав воинской силы а наоборот часто без сопротивления поплелись в хвосте

революціонного пролетаріата, спѣшившаго въ Государственную думу - чтобы доказать свою приверженность новой власти. Правда - трудно младшему начальнику самостоятельно рѣшать и выбирать планъ дѣйствій въ тотъ моментъ когда наступаетъ опасность, если онъ не снабженъ директивой старшаго начальника, этотъ же послѣдній часто, чтобы сложить съ себя отвѣтственность, лишь неясными двухсмысленными фразами давалъ распоряженія, которыя въ сущности ничего опредѣленнаго не говорили. Въ такомъ случаѣ, младшій начальникъ долженъ руководствоваться своимъ разумомъ и присягой, которую онъ давалъ передъ крестомъ и евангеліемъ, и своимъ полковымъ знаменемъ.

Напрасны ссылки на освобожденіе отъ присяги данной Государю. Отреченіе Государя отъ Престола было вынужденнымъ и Онъ отрекся уже тогда, когда у Него не осталось вѣрныхъ частей, а значитъ когда присяга была нарушена.

И наконецъ отсутствіе единаго командованія войсками Петроградскаго Гарнизона, непредвиденная потеря телефонной связи (послѣдовавшая изъ за забастовки телефонистокъ) преступная легкомысленность въ комплектованіи запасныхъ частей - гвардіи штрафными рабочими и распропагандированными запасными стараго возраста, поставили младшихъ начальниковъ въ безвыходное положеніе и лишили ихъ возможности дѣйствовать по своему усмотрѣнію изъ за боязни нарушить общій планъ охраннаго положенія, - который имѣлся въ Штабѣ войскъ Петроградскаго Воен. Округа.

Нельзя огульно обвинять рядовой составъ въ отсутствіи дисциплины и въ непослушаніи начальнику. Случаи, когда

RBC/NcU SAVINE

солдаты безпрекословно подчинялись приказанію начальника бывали часто, если этимъ послѣднимъ обладѣвала рѣшительность доходящая до самопожертвованія. Примѣровъ было достаточно, но были примѣры обратнаго характера. Застрѣлили одинъ изъ младшихъ офицеровъ роты – убійцу унтеръ-офицера Кирпичникова (впослѣдствіи награжденнаго ген. Корниловымъ Георгіевскимъ Крестомъ за убійство офицера), убившаго передъ строемъ роты своего ротнаго командира – можно сказать съ увѣренностью, что порядокъ въ ротѣ былъ бы возстановленъ и она пошла бы выполнять данный ей приказъ. Этого сдѣлано не было.

Да проститъ мнѣ читающій эти воспоминанія неточность въ числахъ, правильность въ названіяхъ и фамиліяхъ фигурирующихъ въ нихъ лицъ, писалъ я спустя 36 ть лѣтъ со времени бунта, полагаясь исключительно на свою память начавшую мнѣ измѣнять, но которая хранитъ въ себѣ факты достойные записи.

Жизнь запаснаго полка.

В началѣ февраля мѣсяца, послѣ повторнаго леченія въ Крыму послѣдствій грознаго ранения, я пріѣхалъ въ Петроградъ и явился въ запасный полкъ. Запасный полкъ располагался въ зимнихъ казармахъ Л. Гв. Измайловскаго полка по Измайловскому проспекту. Явившись по начальству я былъ назначенъ младшимъ офицеромъ въ 1-ую роту которой командовалъ Евгеній Степановичъ Кобылинскій - впослѣдствіи назначенный Временнымъ правительствомъ - комендантомъ Александровскаго дворца въ Царскомъ Селѣ, гдѣ находилась арестованная Царская Семья. Полковникъ Кобылинскій былъ любимъ офицерами и солдатами полка и пользовался среди нихъ большимъ авторитетомъ. Будучи комендантомъ дворца, онъ своимъ тактомъ и доброжелательностью сгумилъ скрасить тяжелые дни находившейся тамъ Царской Семьи.

Прійдя въ зап. роту я былъ пораженъ ея численностью и расположеніемъ. Помѣщеніе предназначавшееся для двухъ ротъ мирнаго времени было наполнено такъ что запасными разныхъ возрастовъ и губерній, расположенными на 2-хъ ярусныхъ нарахъ съ оставленіемъ узкаго прохода вдоль оконъ. Много труда доставляло командному составу роты - пробрить число людей выходящихъ на занятія и побѣрку т.к. желающій скрыться отъ глазъ начальства могъ это свободно сдѣлать взобравшись на второй ярусъ наръ и притворившись спящимъ подъ видомъ вернувшагося изъ караула или наряда.

Тяжелый сѣрой воздухъ отъ скопленія такого количества людей и замоченныхъ дождемъ шинелей мѣшалъ свободному дыханію и заставлялъ держать всѣ окна

открытыми, не смотря на уличный холодъ. Наблюденіе за запасными въ свободное отъ службы время было невозможнымъ по той же причинѣ. Любой агитаторъ незамѣтно могъ проникнуть въ расположеніе роты и быть желаннымъ гостемъ усталыхъ отъ войны запасныхъ. Мнѣ совершенно неизвѣстно, велось ли въ казармахъ наблюденіе за политической благонадежностью запасныхъ со стороны жандармскихъ и полицейскихъ властей, думаю что нѣтъ, гвардейскій жандармскій дивизіонъ былъ на фронтѣ, полиція же въ казарму не допускалась. Во всякомъ случаѣ, при поверхностномъ взглядѣ на роту, въ которую я былъ назначенъ, казалось все было благополучнымъ, служба велась правильно, занятія велись интенсивно и признаковъ, указывающихъ на недовольство не было. Занятія обычно велись или во дворѣ казармъ, или на прилегающихъ къ нимъ улицахъ.

Наружный видъ запасной роты далеко не напоминалъ собой гвардейскихъ солдатъ, а разношерстная обмундировка съ защитными погонами и брезентовыми сапогами дополняли собой картину безпорядочности и недостатка. Единственно кто выдѣлялся изъ этой, такъ сказать, вооруженной толпы - это обучавшіе ихъ унтеръ-офицеры, уже побывавшіе въ бояхъ раненые и вернувшіеся послѣ излѣченія въ свою запасную часть. Ихъ опрятный строевой видъ, гордость своимъ полкомъ, знаніе службы - далеко не гармонировали съ видомъ обучавшихся запасныхъ, и имъ приходилось приложить много труда и усилій чтобы въ короткій срокъ изъ своихъ питомцевъ сдѣлать бойцовъ, готовыхъ для комплектованія маршевыхъ ротъ.

Я съ чувствомъ глубокаго убѣжденія гордости и благодарности посвящаю нѣсколько строкъ своимъ воспоминаній унтеръ-офицерскому составу своего полка и въ молитвенномъ

благоговѣніи преклоняюсь передъ геройской смертью многихъ безпрекословно исполнившихъ боевой приказъ подъ часъ невыполнимый. Вѣчная память имъ.

Подъ Курабицами Казенными, гдѣ я командовалъ 13 ротой, было получено приказаніе Штаба-полка, выслать по одному отдѣленію отъ рота, находившейся въ окопахъ – для форсированія рѣчки и продвиженія перебѣжками къ расположенію противника, который въ это время самоокапывался. По исполненіе этаго приказанія, мною было выдѣлено отдѣленіе млад. унтеръ-офицера Шапобаленка силою въ 8 человѣкъ. Начинало темнѣть, и намъ находившимся подъ склономъ холма, занятаго непріятелемъ, были видны на еще освѣщенномъ горизонтѣ одиночные нѣмцы, рывшіе окопы и рѣдкими выстрѣлами дававшіе знать о своемъ нахожденіи. Артиллерія противника обстрѣливала наши окопы – давая точныя попаданія. Въ окопы сосѣдней со мною роты Запольскаго-Добнара, попалъ одинъ снарядъ, сразу похоронивъ 8 человѣкъ. Перейдя въ бродъ рѣчку – отдѣленіе разсыпалось въ цѣпь и приготовилось для перебѣжки по одному. До противника было не болѣе 600 шаг. Какая цѣль преслѣдовалась штабомъ, – ваславшимъ людей на бѣдную смерть, мнѣ было неизвѣстно, только поздней ночью когда былъ данъ приказъ объ отходѣ всего полка на новыя позиціи, я понялъ что это былъ маневръ, что бы ввести противника въ заблужденіе. Этотъ маневръ намъ дорого стоилъ. Мнѣ изъ окопа въ бинокль было видно, какъ одинъ за другимъ стрѣлокъ и ихъ отдѣленный командиръ Шапобаленко. Замѣтивъ движеніе съ нашей стороны, непріятель открылъ огонь по перебѣгающимъ людямъ. Было видно, какъ пробѣжавшій нѣсколько шаговъ стрѣлокъ падалъ, сраженный вражеской пулей. Но это не смущало остальныхъ и ихъ отдѣленнаго командира, не смотря на то,

что мгновенность непріятельскаго огня была на поражение[illegible]
ение со своими начальникомъ унт. офицеромъ Шаповаленко
выполнило боевой приказъ, смертью запечатлѣвъ подвигъ свой.

Будучи раненымъ во время ночной атаки подъ
Ровкой, я остался лежать въ шагахъ 30-40 до непріятельскаго
окопа. Нѣмцы продолжали стрѣлять по мнѣ, пробивъ
ремень походнаго снаряженія, фуражку и шинель, но тем-
нота ночи мѣшала имъ въ точности попаданія. Потерявъ
сознаніе отъ большой потери крови, я очнулся лишь тогда,
когда мнѣ была сдѣлана перевязка и я очутился въ окопѣ,
наполненномъ убитыми и ранеными Кексгольмцами, изъ
потерянныхъ окопа моя 13-ая рота должна была вернуть.

Какимъ образомъ я попалъ въ окопъ, я узналъ лишь на
ротномъ перевязочномъ пунктѣ. Оказывается, не смотря на
сильный ружейный огонь нѣмцевъ, рота не могла оставить
своего ротнаго командира безъ помощи, для чего пожертвовала
шестью своими рядовыми въ томъ числѣ моимъ связнымъ
Гарайчукомъ, которые втащили меня ползкомъ въ окопъ.
Впослѣдствіи эти герои были награждены посмертнымъ
знакомъ отличія Военнаго ордена 4 ст.

Глубоко врѣзался мнѣ въ память образъ стройнаго,
красиваго унтеръ-офицера Марченко въ первые дни войны
1914-18 года. Я не забуду тотъ моментъ, когда вступивъ
на непріятельскую землю въ районѣ Солдау,- Марченко
выбѣжалъ изъ строя нашей двигающейся колонны сломалъ
пограничный столбъ съ германскимъ орломъ, хлопнулся за-
тѣмъ мѣстомъ о землю воскричавъ "Ну это теперь русская
земля." Возгласъ одобренія и смѣхъ послѣдовали изъ ко[illegible],
вернувъ ей увѣренность въ побѣдѣ, которая была омрач[illegible]
гибелью Арміи Самсонова.

Можно перечислить много случаевъ пробивания погимения основ военной службы унтерофицерскимъ составомъ полка, и безъ преувеличения можно сказать, что они были цементомъ на которомъ держалась рота, часто мгновенно изъ за ранения своихъ ротныхъ командировъ.

Вотъ такимъ унтеръ-офицерамъ было поручено воспитание и строевое обучение запасныхъ, многие не державшихъ въ рукахъ винтовки, оторванныхъ отъ семьи, отъ фабричнаго станка, котораго они такъ-же ненавидели, какъ и военную службу. Особенно вреднымъ элементомъ среди запасныхъ были штрафные рабочие, которыхъ за саботажъ и разные проступки на фабрикѣ въ наказание посылали на фронтъ, предварительно обучивъ ихъ въ запасныхъ частяхъ боевой службѣ. Они, соприкасаясь съ более воспримчивымъ элементомъ запасныхъ, усталыхъ отъ войны, разбрасывали его указывая ему, что его врагъ не немецъ, а русскій буржуй и его приспѣшникъ офицеръ. Что могъ сдѣлать ближайшій начальникъ и какъ уследить за политической благонадежностью тысячи запасныхъ. Какимъ образомъ могли ему помочь унтеръ-офицеры, которыхъ запасные такъ же сторонились, какъ и офицеровъ, видя въ нихъ - начальство - могущее ихъ наказать. Ротный командиръ въ запасной ротѣ былъ поглощенъ ротной канцеляріей, денежной и вещевой отчетностью, и не могъ удѣлить достаточно времени для воспитания роты, которая въ политическомъ отношеніи была предоставлена самой себѣ, а такъ-же революціонной пропаганды. Помощи ротному командиру со стороны младшихъ офицеровъ такъ же часто отсутствовала, такъ какъ на нихъ возлагалось, кромѣ караульной службы, присутствіе въ различныхъ комиссіяхъ и они только и мечтали возможно скорѣе отправиться въ дѣйствующую армію.

Въ офицерской средѣ, въ частныхъ домахъ и въ собраніи я никогда не слыхалъ разговоровъ изъ которыхъ можно бы было

[illegible] что и [illegible] [illegible] [illegible]
что это ожидаются беспорядки и что у солдат [illegible]
ними [illegible] и недовольство. Даже такой факт как [illegible]
Распутина, не вызвало среди офицеров полка большого [illegible]
и они не придавали никакого значения. Наоборот, [illegible]
нашему подвиду крепла и мысль о революции не приходила [illegible]
Полковая офицерская среда не смотря на большую убыль убитыми
и пополнение молодыми прапорщиками была сплочена и авто-
ритет старшего в ней строго соблюдался. Одним словом, не-
смотря на некоторые наружные недостатки, казалось что запас-
ной полк представляет собой боевую силу, могущую быть
предназначенной для несения гарнизонной и боевой службы. На-
сколько я помню, квар запасных полки не были сведены в дивизии
и бригады, а управлялись Штабом запасных полков, во главе
которого сперва находился Генерал Чебыкин, а затем Полк.
Л Гв. Преображенского полка Гобиченко. Штаб запасных частей
находился в Петрограде на Васильевском Острове.

Жизнь в Петрограде текла обычным порядком и
только тревожные вести о наших больших потерях на фронте
нарушали кажущееся благополучие.

Въ преддверіи бунта

Въ серединѣ февраля я получилъ изъ штаба-полка приказаніе взять полуроту учебной команды и 2 пулемета и идти на охрану завода Динамо, гдѣ по свѣдѣніямъ штаба войскъ охраны начались среди рабочихъ саботажъ и безпорядки. Пріѣхавъ въ учебную команду и собравъ людей, я объяснилъ имъ задачу и повелъ ихъ на вышеуказанный заводъ, находившійся въ районѣ Нарвской заставы. Прибывъ на мѣсто назначенія, я оставилъ людей въ боевой готовности, самъ же отправился осматривать расположеніе завода. Ничто не указывало на признаки по которымъ можно было судить о бывшихъ безпорядкахъ и начинающихся волненіяхъ, о которыхъ я былъ информированъ въ штабѣ. Заводъ работалъ полнымъ ходомъ, изготовляя ударные трубки для артиллерійскихъ снарядовъ, инжинеры, чертежники, и самъ директоръ дѣловито сновали по цѣхамъ завода, давая свои указанія. Мнѣ ничего не оставалось сдѣлать какъ распустить моихъ людей для отдыха, а самому отправиться въ директорскій кабинетъ къ телефону для доклада въ штабъ полка о полномъ порядкѣ и спокойствіи.

Самъ заводъ былъ окруженъ высокимъ деревяннымъ заборомъ имѣлъ двое воротъ для одновременнаго впуска и выхода рабочихъ смѣнъ. Наружная охрана завода была поручена казачьему разъѣзду, который иногда появлялся у стѣнъ завода, но такъ-же быстро исчезалъ, не давая о себѣ никакихъ признаковъ жизни.

Рабочіе часы дневной смѣны рабочихъ приходили къ концу и въ скоромъ времени ожидалось прибытіе ночной смѣны

...ия безостановочной работы завода

Находясь в кабинете директора, я был телефонной связи с городом и собираясь говорить со штабом полка, я был вызван взволнованным унтер-офицером моей команды, который доложил мне, что в инструментальном цехе рабочие портят токарные станки, вставляя в зубчатки стальные пластинки, которая вызывают поломку зубьев, сопровождающуюся страшным визгом и снопами искр.

Быстро сбежав в вышеуказанный цех и убедившись в правильности доклада моего унтер-офицера, я закричал на рабочих, пристыдил их и пригрозил им употреблением оружия, если таких безобразий повторятся. Как отбыть мои угрозы со стороны рабочих раздался свист, брань сопровождающаяся лязгом железа. Инструментальный цех представлял собою громадную мастерскую, где кроме станков находились приводные ремни, получающие движение от колеса прикрепленного к потолку, куда вела железная лестница. Когда свисть и крики прекратились, я услышал голос - стоящий наверху у приводных ремней рабочего, который призывал токарей к неповиновению и насилью над „опричниками". Что бы прекратить это безобразие я вызвал один взвод в цех, сам подошел с револьвером к лестнице, где находился агитатор и угражая ему стрельбой, приказал спуститься вниз. Когда подстрекатель был внизу, я ударил его по голове рукояткой револьвера. Крики возобновились с новой силой, но в них уже не звучали угроз и ругани, а наоборот слова жалобы и обиды.

Расставив вызванный мною взвод вдоль стен мастерской и подав команду „зарядить винтовки", я рабочим, что еще одна поломка станков и я отдам

по мимъ огонь и добавилъ, что за происшедшую сейчасъ демонстрацію я оставляю рабочихъ безъ смѣны и запрещаю отходить отъ станковъ. Моя угроза произвела магическое дѣйствіе. Сразу всѣ успокоилось, слышались лишь приглушенные разговоры сосѣдей по станкамъ и жалобы на якобы незаконные мои дѣйствія.

Начинало темнѣть и на заводѣ и прилегающихъ къ нему улицахъ зажглись фонари. Снаружи завода, у его входныхъ воротъ, постепенно подходила ночная смѣна рабочихъ, образуя внушительную толпу, ожидавшую открытія воротъ. Не желая допустить одновременнаго скопленія рабочихъ двухъ смѣнъ у завода и могущаго быть обсужденія событій происшедшихъ на заводѣ, я приказалъ входныя ворота не открывать, а прибывшимъ рабочимъ, предложилъ разойтись по домамъ, прійдя къ утренней смѣнѣ. Сперва среди толпы слышался протестъ, но узнавъ, что на заводѣ находится вооруженная сила протесты умолкли и толпа стала расходиться по домамъ. Когда казачій разъѣздъ, обязанность котораго было находиться у завода во время смѣны рабочихъ, доложилъ мнѣ что всѣ рабочіе разошлись и въ окрестностяхъ завода не обнаружено ни одного рабочаго, я разрѣшилъ наказанной мною смѣнѣ покинуть заводъ.

По уходѣ послѣдняго рабочаго съ территоріи завода, сдѣлавъ своей командѣ расчетъ для отдыха и выставивъ на заводѣ охрану, я отправился въ директорскій кабинетъ и на кожанномъ диванѣ крѣпко уснулъ.

Разбудилъ меня часовой въ 8 телефонный звонокъ изъ штаба-полка. Мнѣ приказывалось вернуть людей въ казарму, а самому отправится въ Штабъ запасныхъ частей и явиться его начальнику, Полковнику Паличенко.

Не дѣлая никакихъ предположеній и не боясь никакой отвѣтственности за свои поступки, я отведя команду въ казармы – полкъ въ штабъ запасныхъ частей. Не помню ни словъ и обращенія Полковника Пабличенко, помню только что мнѣ дѣлалось выговоръ за грубое обращеніе съ рабочими, за рукоприкладство и самовольное нарушеніе расписанія смѣнъ рабочихъ на заводѣ Динамо. Предполагаю что директоръ завода сообщилъ въ надлежащія мѣста о происшествіи на заводѣ, возможно что и въ своемъ освѣщеніи, прося меня наказать.

Ни словъ оправданій ни извиненій отъ меня не услыхалъ полк. Пабличенко. Да ихъ не могло и быть. Какъ иначе могъ поступить офицеръ бывшій на фронтѣ, видѣвшій весь ужасъ войны знавшій о недостаткѣ вооруженія и снарядовъ у защитниковъ Родины, дни и ночи проводящихъ въ сырыхъ и грязныхъ окопахъ въ то-же время, какъ хорошо оплачиваемые, живущіе въ условіяхъ мирнаго времени рабочіе, бунтуютъ и саботируютъ военную промышленность.

Возможно, что забылъ полковникъ Пабличенко уставъ гарнизонной службы, гдѣ ясно сказано что вызовъ воинской силы есть крайнее средство для подавленія безпорядка, но если воинская сила вызвана – здѣсь нѣту мѣста уговариваніямъ, есть только средство пресѣченія и наказанія.

Отмѣчу какъ курьезъ. Въ приказѣ Генерала Хабалова, начальника воиской охраны Петрограда, мои дѣйствія на заводѣ Динамо ставились какъ примѣръ по своей рѣшительности и иниціативѣ – т.к. по агентурнымъ свѣдѣніямъ полиціи дневная и ночная смѣна рабочихъ завода „Динамо" должны были соединиться въ одну группу для уличной манифестаціи и шествія по улицамъ Столицы. Этотъ планъ случайно провалился, благодаря принятымъ мною мѣрамъ.

Бунтъ.

Въ концѣ мѣсяца февраля въ городѣ стали циркулировать слухи, что на почвѣ недостатка продовольствія - предполагаются забастовки на фабрикахъ и выходъ рабочихъ на улицу. Для предупрежденія подобныхъ случаевъ и какъ мѣра противодѣйствія имъ, Штабомъ Войскъ Петроградскаго военнаго округа былъ разработанъ планъ Охраны Столицы, съ раздѣленіемъ ее на участки, которые по тревогѣ должны быть заняты различными частями войскъ, находящихся въ столицѣ, съ назначеніемъ частей и указаніемъ границъ участковъ. Нашему запасному полку, послѣ выдѣленія изъ него нѣсколькихъ офицерскихъ карауловъ (помню Червинскій у Зимняго дворца) былъ предназначенъ участокъ охраны заводовъ Нарвской заставы, Вагоностроительный заводъ и Трамвайный паркъ. Мнѣ, какъ уже знавшему районъ Нарвской заставы, по тревогѣ нужно было занять Вагоностроительный заводъ, заводъ Динамо и прилегающія къ нимъ улицы. Сила отряда, которымъ я долженъ былъ командывать, считалась приблизительно въ 200 чел. запасныхъ при 4-хъ офицерахъ и одного взвода учебной команды. Запасныхъ нижнихъ я совершенно не зналъ, такъ какъ только числился въ 1-мъ зап. ротѣ, занимая въ запасномъ полку другія должности по строевой части.

25 февраля была объявлена тревога и воинскія части въ томъ числѣ и моя часть, пошли занимать назначенные имъ участки и занимать караулы. Прибывъ со своимъ отрядомъ на указанное по плану охраны мѣсто и

...ъ-капитаномъ Бізлякобымъ, поручикомъ А. Манойлетти
подпоручикомъ Хлостерманомъ и обошелъ свои...
...мыя районы и намѣтилъ пункты обороны въ случаѣ нападенія
толпы. Первый день прошелъ спокойно и не предвѣщалъ
никакихъ сюрпризовъ.

Приблизительно въ 1 километрѣ впереди моего участка - ближе къ городу
находился участокъ полковника Евгенія Степановича Кобылинскаго,
занимавшаго своимъ отрядомъ территорію Трамвайнаго парка
(бастовавшаго). Лѣвѣе меня, начиная отъ Балтійскаго вокзала до
взморья, несли охрану Лейбъ Егеря, кто былъ правѣе меня
мнѣ установить не удалось, но я зналъ что тамъ находился
Путиловскій заводъ съ его двадцатьютысячными рабочими. Отъ
Нарвскихъ Воротъ (тріумфальной арки, воздвигнутой царемъ
Петромъ Великимъ, въ честь славныхъ побѣдъ надъ Шведами подъ
Нарвой) вело въ городъ, прямое какъ стрѣла шоссе, начинающееся
у Пулковской Обсерваторіи, носящее названіе Пулковскій Меридіанъ.

Увѣрившись въ правильности принятыхъ мѣръ по охранѣ
моего участка, а также мѣръ предосторожности, я, располо-
жился въ томъ-же директорскомъ кабинетѣ завода "Динамо"
(бастовавшаго), развлекая себя разговорами по телефону съ моими
Петроградскими знакомыми и съ пол. Кобылинскимъ, который
явился по плану охраны моимъ прямымъ начальникомъ.

Зимній день подходилъ къ концу. Тѣмень какъ то сразу
спустилась надъ городомъ придавъ ему таинственно тревожный
колоритъ. Крѣпко взятый какъ бы въ тиски боевой силой
казалось, Петроградъ не посмѣетъ стать мятежнымъ городомъ
и не очернитъ кровавыми страницами свою двухсотъ - лѣтнюю
славную исторію.

Но вотъ раздались первые ружейные выстрѣлы въ городѣ, сразу нарушившіе мои предположенія, что безпорядковъ не будетъ. Трудно было опредѣлить гдѣ произошла стрѣльба и кто стрѣлялъ. Зловѣщій ангелъ смерти уже леталъ надъ Петроградомъ намѣчая себѣ жертву.

Спать ни я, ни чины моего отряда не могли. Чувствовалось, что происходитъ что то необычное отъ котораго зависитъ судьба родины и каждаго изъ насъ. У меня ни на минуту не появлялась мысль, что мои чины могутъ быть сочувствующими бунтовщикамъ и былъ убѣжденъ, что въ случаѣ наступленія толпы мои солдаты по моей командѣ откроютъ по ней огонь. Возможно что я заразилъ своихъ людей рѣшимостью къ сопротивленію, считая что правда на моей сторонѣ.

Сосѣдніе со мной участки безмолвствовали и какъ бы притаились. Стрѣльба въ городѣ усиливалась, но опредѣлить мѣсто стрѣльбы было невозможно. Нужно подождать утра, тогда все станетъ яснымъ, рѣшилъ я и отправился въ директорскій кабинетъ къ своему телефону.

Наступилъ разсвѣтъ. Стрѣльба не прекращалась, а ясно слышалась въ разныхъ частяхъ города. Узнать кто стрѣляетъ мнѣ такъ и не удалось. Телефоны бездѣйствовали изъ за забастовки телефонистокъ, а военная связь отсуствовала. Побудимому каждый начальникъ былъ предоставленъ самому себѣ, ибо планъ охраны столицы былъ въ корнѣ нарушенъ.

Желая получить информаціи у полиціи, я поѣхалъ въ находящійся въ моемъ районѣ полицейскій участокъ. Но и тамъ ничего не добился. Спѣшно убѣгавшій приставъ бросилъ мнѣ связку ключей отъ участка и пожелалъ мнѣ полнаго благополучія. Городовые слѣдовали за нимъ, но куда и зачѣмъ я добиться не могъ.

Только къ вечеру, какимъ то чудомъ мнѣ удалось связаться по телефону съ Полковникомъ Кобылинскимъ, передавшимъ мнѣ кошмарныя новости. Кобылинскій передалъ что многіе запасные полки безъ сопротивленія перешли на сторону рабочихъ и вернулись въ казармы, что тюрьмы и полицейскіе участки горятъ подожженные бунтовщиками, что въ городѣ стрѣльба грабежи и пьянство и что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно. Онъ звалъ меня пріѣхать къ нему для объясненія обстановку и принять то или другое рѣшеніе. Какъ громомъ поразило меня сообщеніе Полковника Кобылинскаго. Пріѣхать къ нему для обсужденія создавшагося положенія было для меня непріемлемымъ. Я не могъ оставить своихъ офицеровъ и солдатъ безъ руководства, хотя бы на короткое время, такъ какъ обѣщанія, полученныя отъ полковника Кобылинскаго, заставили меня принять мѣры по сопротивленію толпы бунтовщиковъ, которая, судя по ясности быстрѣлобъ, приближалась къ моему участку обороны.

Не теряя ни минуты времени, я приказалъ людямъ немедленно строить „ваганбурги" изъ интендантскихъ обозныхъ повозокъ, которыя въ большомъ количествѣ изготовлялись на вагоностроительномъ заводѣ. Нужно было видѣть съ какой поспѣшностью люди руководимые своими офицерами Шт.Капитаномъ Бѣляковымъ, Поручикомъ Мангеттти и Подпоручикомъ Клостерманомъ, вывозили эти повозки изъ мастерскихъ завода, устанавливали ихъ у Нарвскихъ воротъ и прилегающихъ улицахъ, связывали ихъ проволокой. Ваганбурги были готовы, и могли задержать большое скопище наступающихъ до подхода пополненія изъ сосѣдняго участка. Покрайнѣй-мѣрѣ я такъ предполагалъ. Люди были укрыты за ближними строеніями и только рѣдкая цѣпь часовыхъ охраняла ваганбурги. Петроградъ погрузился въ мракъ и только зарево пожа-

жаровъ зловѣще освѣщало небо.

Безпорядочная стрѣльба то усиливалась то утихала приближаясь къ моему участку обороны. Шальныя пули съ различныхъ направленіяхъ, со свистомъ пролетая, ударялись въ стѣнки домовъ, пока не причиняя вреда моему отряду находившемуся въ укрытіи. Только однимъ случайнымъ попаданіемъ были убиты одинъ рядовой въ цѣпи, охранявшей подступы къ багенбургу, - не пригнувшій внизъ къ укрытію.

Впослѣдствіи - этотъ убитый бунтовщиками солдатъ Л.-Гв. Петроградскаго полка за неимѣніемъ другихъ жертъ, былъ преданъ землѣ въ Царскомъ Селѣ, на главной аллеѣ Александровскаго Дворца, - революціонными властями - какъ жертва революціи.

Стрѣльба со стороны города по моему участку стала интенсивнѣе и люди моего отряда заняли укрытія у повозокъ, отвѣчая на стрѣльбу. Вдругъ, какъ по мановенію волшебной палочки стрѣльба съ нашего направленія прекратилась и со стороны города показались два яркіе фонаря и приближающійся шумъ автомобиля. Предполагая что это ѣдетъ какое либо должносное лицо или свое начальство, я приказалъ сдѣлать проѣздъ въ багенбургѣ и пропустить ѣхавшаго. Въ это время началась стрѣльба съ боковой улицы моего участка, куда я поспѣшилъ узнать съ чѣмъ дѣло. Оказалось что партія разбойниковъ Путиловскаго завода, пользуясь темнотой, подошла совсѣмъ близко къ нашему расположенію, но будучи обстрѣляна нашими людьми, разбѣжалась, оставивъ раненыхъ и пленныхъ. Изъ разспроса этихъ послѣднихъ выяснилось, что они были посланы отъ большой группы Путиловскихъ рабочихъ, съ цѣлью узнать, гдѣ наши фланги - съ тѣмъ чтобы бить насъ съ тыла и сломить наше сопротивленіе.

Вернувшись послѣ ликвидаціи этого случая къ своему главному участку обороны, т. е. къ Нарвскимъ воротамъ, снова

...ефилядированному роботами. Я застал поручика Мануйлетти с группой солдат, стоявших у крытого автомобиля за рулем которого сидел дрожащий от страха шофер. Из моих разговоров, кто и зачем приехал на этом автомобиле, я узнал следующее. По ночи приехали 4 солдата военно-автомобильной школы - без качества парламентеров - требовавших прекращения сопротивления и возвращения в казармы. По словам здесь же стоявших юнкеров сдаться они были в новые офицерские бекеши из разграбленного Гвардейского Экономического Общества и в таких же новых папахах с красными бантами вместо - кокард. Поручик Мануйлетти не долго вел с ними переговоры. Он приказал ликвидировать их как грабителей и бунтовщиков, что было сделано безпрекословно солдатами, - которые в то-же время в других частях убивали своих офицеров.

За несколько дней до эвакуации Крыма Добровольческой Армией в то время уже Капитан Мануйлетти был убит в перестрелке с красными у Кохобки. Вечная память этому храброму, прекрасному и блестящему офицеру, которого пощадили на войне немецкия пули и не пощадила своя русская большевицкая.

Обезвреженные от захваченных вооруженных рабочих не представляли ничего утешительного. По их рассказам одна часть Петроградского гарнизона перешли на сторону рабочих. Образовано новое Временное правительство, а министра старого правительства арестованы. 20000 рабочих Путиловского завода идут для ликвидации последнего сопротивления у Нарвской заставы. Сопротивляется отряду в 200 человек - вооруженных рабочих в 20000 человек было безсмысленно, а потому единственно возможным решением в этот момент - было отойти к Царскому Селу, где казалось можно было найти верных нам части и совместно с ними продолжать сопротивление.

Приписываемое мнѣ намѣреніе спасти Царскую Семью, я считаю большимъ заблужденіемъ. Я былъ безконечно преданъ Царской семьѣ, что бы подвергать ее опасности. Я вѣрилъ въ то что у Нея есть и безъ меня вѣрные люди въ ея окруженіи, обязанность которыхъ должна была имъ подсказать и совѣсть и присяга и которые смогутъ пожертвовать своею жизнью для спасенія Императрицы и Ея Августѣйшихъ Дѣтей. Я желалъ защитить Ее отъ бушующей толпы вѣря что найду среди Царско-сельскаго гарнизона части преданныя Ей, хотя бы изъ благодарности за Ея милости и барское вниманіе.

Другое рѣшеніе сдаться на милость революціонной толпѣ было для меня непріемлимымъ, а потому я, бросивъ свои оборонительные участки, не дожидаясь захвата съ тылу, отдалъ приказаніе своему отряду двигаться походнымъ порядкомъ черезъ Пулково - въ Царское Село.

Движеніе моего отряда, который въ пути увеличивался численно, потерявшими свои части людьми, представляло собой довольно печальную картину. Впереди шелъ я со своими офицерами, за мной не въ ногу, безъ равненія и съ большими интервалами люди съ сонными усталыми видомъ. За ними пѣшіе безлы повозку съ моими убитыми солдатомъ и наконецъ, реквизированный грузовикъ съ приставшими въ пути мулетами и захваченный у парламентеровъ автомобиль. Колонна далеко растянулась и со стороны могла быть принята за батальонъ пѣхоты если не больше. Отсталыхъ не было такъ-какъ каждый зналъ, что сзади ждетъ его расправа. Медленно двигалась колонна по шоссе къ Пулкову. Падающій хлопьями снѣгъ таялъ подъ ногами, дѣлая дорогу скользкой и замедляя наше движеніе. Стрѣльба и зарева оставались позади, впереди была тьма и неизвѣстность.

[illegible] гарнизон, а может быть сомнительности, не признавшие революционного правительства и приглядевшие из Петрограда внушали бодрость и настойчивость для достижения цели для которой я стремился в Царское Село и невольно передавалась мысль моего отряда. Мы были спаянные борьбой в нашу работу и это сознание воодушевляло нас. Показавшиеся впереди огоньки указывали что уже недалеко Пулково, где мы сделаем привал, подкрепимся едой и обогреемся в тамошних трактирах. Вскоре отряд вошел в Пулково. Я разрешил белым разойтись по трактирам и сам пошел в ближайший, что-бы обогреться и обсохнуть. Усталость и три бессонных ночи давали себя почувствовать и меня клонило ко сну. Но о сне нельзя было и думать. Нельзя было терять ни минуты, бремени, что бы с разбитой воин в Царское Село.

Немного отдохнувшие и согревшиеся люди выглядили бодрее и путь до Царского-Села не пугал их. После поданной мною команды к выступлению, мне доложили что в сарае одного из трактиров обнаружен скрывавшийся там рядовой Кирасирского полка с оружием и конем. Удивленный такому позднему пребыванию в Пулкове, да еще в вооружении я приказал допросить его и узнать о цели его нахождения в Пулкове. Допрошенный с пристрастием, кирасир - латыш признался, что был послан из Царского-Села на разведку революционным комитетом. Сперва они приняли нас за союзников, но получив третью гильотолбе убедился в своем заблуждении. Они со своим конем так же были причислены к партии плюшных. Случай с кирасиром, охладил мои надежды на верность и твердость Царско-сельского гарнизона, но я утешил себя

небольшой, что это единичный случай, что в семье не без урода.

Продолжая движение к Царскому Селу, мы должны были пройти село Александровское с его акуратными домиками и огородами, тянувшимися вдоль шоссе, по которому мы двигались. Уже было достаточно свѣтло когда мой отрядъ поравнялся с селомъ Александровскимъ. Но тутъ меня поразило обилiе палатокъ на огородахъ и какiе то копошившiеся и умывавшiеся около нихъ люди. Нѣкоторые поддѣлали къ моей движущейся колоннѣ съ вопросомъ „куда идемъ и зачѣмъ". Оказалось это были прибывшiй съ фронта Гвардейскiй экипажъ, спѣшно размѣщенный въ Царское село. Невольно возникаетъ вопросъ, для чего была вызвана эта прекрасная боевая часть съ фронта. Уже не для того что бы вечеромъ въ день моего прихода въ Царское - Село, объявить нетралитетъ, а на другой день подъ водительством одного высокаго лица идти въ государственную думу и выражать свою вѣрность новой революцiонной власти.

Наконецъ, мы приближались къ цѣли. Большiе желѣзные ворота, украшенные золотымъ орломъ, указали намъ что мы вступаемъ въ Царско-Сельскiй паркъ съ его вѣковыми деревьями и историческими прошлым. Вдругъ, какъ изъ подъ земли, передъ разъѣздомъ Собственнаго Его Величества Конвоя. Подскакавъ на приличное разстоянiе до моего отряда уже принявшаго строевой видъ, разъѣздъ круто повернулъ и поскакалъ обратно, даже не удостовѣрившись кто мы, откуда мы и куда двигаемся. Царское село еще безмятежно спало, когда я вступилъ въ него.

Трусость, измѣна и предательство.

Подойдя безпрепятственно къ Александровскому Дворцу, гдѣ имѣла пребываніе Августѣйшая Семья Императора, я остановилъ свой отрядъ, разрѣшилъ ему стоять вольно, а самъ бойдя, лѣвѣе калитку воротъ, поднялся по ступенькамъ наружной каменной лѣстницы въ пріемную дворца. Приблизительный распорядокъ покоевъ перваго этажа мнѣ былъ извѣстенъ т.к. я уже былъ въ нихъ имѣя счастье представиться Государынѣ, передъ отъѣздомъ въ дѣйствующую армію послѣ перваго ранения.

Лѣврейный лакей (скороходъ) встрѣтившій меня, на мое требованіе доложить объ мнѣ дворцовому коменданту, проводилъ меня въ кабинетъ коменданта, а самъ удалился что бы доложить Генералу Ресину о такомъ необычномъ посѣтителѣ.

Оставшись одинъ въ кабинетѣ коменданта я мысленно перенесся въ то незабываемое прошлое, когда впервые вступилъ я въ эти дворцовые покои, имѣя счастье представиться Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Августѣйшей сестрѣ-милосердія дворцоваго лазарета, гдѣ я пользовался лѣченіемъ послѣ ранения. Никогда не забыть мнѣ это грустное, одухотворенное душевной красотой лицо, эту простоту и доступность - такъ гармонирующую съ Ея домашнимъ уютомъ и убранствомъ Ея рабочаго кабинета. Ея милостивые слова, полные материнской заботы о Своихъ подданныхъ, глубоко запали въ мою душу.

Мои мысли были прерваны вошедшимъ въ кабинетъ Дворцовымъ комендантомъ Свиты Его Величества Генералъ-Маіоромъ Ресинымъ. Мой утомленный видъ, моя промокшая одежда, далеко не соотвѣтствовали роскошной обстановкѣ кабинета, и я самъ себѣ

казался жалким просителем, а не защитником Царского Трона.

Генерал был одет в тужурку с красными отворотами, в погонах свитского генерала. Я представился Генералу, доложил о событиях в Петрограде, о переходе многих воинских частей на сторону бунтующих рабочих, о пожарах и погромах в столице и о тех сведениях, которая успел передать мне по телефону Полковник Кабалинский. Не скрыл от него, что привез с собой захваченного разведчика-кирасира и привез тело убитого моего солдата. Наконец, добавил, что отдаю себя и свой отряд в полное распоряжение Императрицы.

Генерал Ресин выслушал меня не перебивая, затем сел в кресло у своего письменного стола, а мне предложил занять такое же в нескольких шагах от себя. В это время вошел лакей и на большом серебряном подносе принес утренний кофе со сдобными булочками.

Окна кабинета выходили как раз на площадку перед Дворцом, где я оставил свои отряд и мне было видно как мои солдаты продефилировали какие то балетные „па" и удерживали каблуками о каблуки, что бы согреться от долгого пребывания на холоде. Ни кофе, ни булочки не прельщали меня и я только ждал что мне скажет Генерал Ресин.

Хотя уже прошло более тридцати семи лет со дня моего разговора с Генералом Ресиным, но его слова как живые сохранились в моей памяти, я их до самой своей смерти буду помнить и снесу их к Престолу Всевышнего.

Генерал Ресин сказал мне следующее: Сейчас я говорил по прямому проводу со своей женой, находящейся в Петрограде. Она мне передала, что беспорядки в Петрограде подавлены, что там все спокойно и что вся власть находится в руках военного начальства.

Ваша охрана не нужна Государыне, продолжал генерал, здесь есть свои части, которыя охранят Ее в случае надобности. Вы отведите ваш отряд в расположение Собственнаго Его Величества Своднаго полка для отдыха, а сами можете отдохнуть в офицерском собраніи или у вашего однополчанина Капитана Апухтина.

Слова генерала Ресина как громъ, поразили меня. Событія этих трех послѣднихъ дней представились мнѣ галлюцинаціей, плодом моего воображенія, вызваннаго нервным напряженіем и усталостью. Я не сталъ убѣждать генерала Ресина в ошибочности его свѣдѣній и как шалый оставил дворецъ, чтобы отвести свой отрядъ в указанное генераломъ мѣсто. Передавъ в пути отрядъ Кап. В. Бѣлякову и приказавъ ему отвести его в столовую Своднаго полка самъ в сопровожденіи Кап. С. Апухтина пошелъ в офицерское собраніе.

Я не буду останавливаться на внутреннем убранствѣ собранія, да откровенно говоря и не помню. Помню только что услужливая прислуга собранія усадила меня на предсѣдательское мѣсто длиннаго стола и принесла не знаю по чьему приказанію, пивной стаканъ водки и кажется бифштексъ. Тутъ-же за столомъ я былъ окруженъ нѣсколькими офицерами Своднаго полка, которые осыпали меня вопросами „что дѣлается в Петроградѣ". Мнѣ было не до ѣды и не до разговоровъ – помнѣ слова генерала Ресина, что в Петроградѣ все спокойно. Мой мозгъ усиленно работалъ, припоминая факты о которых я докладывалъ генералу. Казалось бы, мнѣ слѣдовало радоваться, что бунтъ подавленъ, но этого я сдѣлать не могъ, – т. к. зналъ что это неправда. Разговоръ по телефону с полковникомъ Кобылинским, его рѣшеніе ѣхать в казармы, стрѣльба по моему участку, зарева пожаровъ, пріѣздъ парламентеровъ и бѣгство полиціи, вѣздѣ

что-нибудь да значили?

Не дотронувшись до бифштекса, я залпом выпил стакан водки и сразу заснул.

Меня проводили в комнату капитана Апухтина, где я снял свое снаряжение, лег на кровать и сразу заснул. Не знаю как долго я спал, думаю не более получаса. Усиленные толчки Апухтина разбудили меня. Он передал мне приказание генерала Ресина разбудить моих людей, построить их впереди столовых, где они отдыхали и представить ему мой отряд. Что руководствовался генерал Ресин, отдавая такое приказание мне еще до сегодняшнего дня не понятно. Они знали что мои люди три дня оставались без отдыха и горячей пищи и только в Ургерском Сомо могли рассчитывать на него. Приказание, даже сумасбродное есть приказание, и я пошел будить свой отряд. Как сейчас помню картину, когда лежавших на полу в столовой, на соломе в повалку – спящих мертвым сном солдат, унтер-офицера полибали ногой из медных магинков что бы разбудить их.

Приказ был выполнен. Отряд был построен и я со офицерами стал на правом фланге, ожидая прихода ген. Ресина.

Хотелось бы знать, вспоминал ли генерал Ресин, благополучно избежавший той участи которая постигла Ургя — тот факт, что последняя воинская часть которая исполнила его приказание что был мой отряд, оставшийся в горных присягу и своим офицерам.

Видя приближающегося генерала Ресина, я подал обычную в этих случаях команду „Смирно, равнение на право с офицера" Генерал быстрыми шагами обошел фронт и остановившись в 15 шагах впереди его – поздоровался с людми.

„Командуйте слушай на краул" приказал мне генерал. Как один человек по моей команде люди взяли на краул.

старался выровнять штыки и подтянуться, показать свою гвардейскую ...

За здравье Государя Императора Ура", торжественно произнесъ генералъ Рєзинъ. Подхваченное ура долго не смолкало среди моего отряда – отдаваясь гулкимъ эхомъ въ паркѣ Царскаго Сѣла.

Зналъ ли генералъ Рєзинъ, живя послѣ бунта въ сравнительно спокойной обстановкѣ – что это Ура Государю Императору было послѣднимъ, которое онъ слышалъ въ своей жизни на русской землѣ. Вѣдь оно гремѣло въ тотъ моментъ, когда Государь подписывалъ Свое отреченіе и когда въ Петроградѣ гремѣли выстрѣлы по убиваемымъ бѣлыми сынамъ Россіи и Престола.

Когда ура смолкло генералъ Рєзинъ приказалъ мнѣ отвести мой отрядъ въ казармы 4-го Императорской фамиліи стрѣлковаго полка, расположить его на отдыхъ въ манежѣ и поступить въ распоряженіе Царскосельскаго Начальника гарнизона.

Не помню сейчасъ по прошествіи столькихъ лѣтъ гдѣ стоялъ наглядно планъ, гдѣ находился манежъ въ отношеніи къ казармамъ. Думаю что не ошибусь, если скажу что манежъ находился на плацу и былъ окруженъ казарменными постройками, имѣлъ одни входные ворота упирающіеся въ узкій переулокъ ведущій куда-то внаружу расположенія казармъ. Манежъ находился большой дворъ, куда выходилъ лѣтникъ ... скій квартиръ, собранія и стрѣлковыхъ ротъ. Окна офицерскаго ... на второмъ этажѣ выходили на широкую улицу, которая вела на вокзалъ. Въ самомъ манежѣ принадлежавшемъ до войны Лейбъ Гусарамъ – были построены двухъ ярусныя нары ... была предназначена для строевыхъ занятій стрѣлковъ.

Пріѣзда на мѣсто указанное мнѣ генераломъ Рєзинымъ я былъ пріятно пораженъ внимательнымъ оказаннымъ мнѣ ... помѣщеніемъ въ лучшемъ изъ расположенныхъ казармъ, приглашеніемъ ... отдохнуть и подкрѣпиться ... Я просто не ...

объяснить такое ко себе внимание ей этот трагический момент, который приближался. Я думаю, что причиною тому был пущенный пробакаторский слух, что мои солдаты это переодетые женщины. Я галантно благодарил даму, объявивши им, что не могу отпустить от своей части которую должен расположить в манеже.

По приходе в манеж, я приказал людям составить ружья в козлы, – разойтись по нарам, балетовать дневальным у ружей и пулеметов и часовым у арестованных. Своим офицерам я устроил в офицерском собрании Императорских стрелков, а сам остался в манеже со своими отрядом, раздпляя с ними без неудобств отдыха на твердых нарах.

Инстинктивно чувствуя неприязнь ко себе и моему отряду со стороны стрелков, – я не хотел тревожить моих людей моими благополучиями дабы не нарушать их отдыха и сна, – сам же в своем снаряжении – лег на крайние нары у стоек с деревянными ружьями, повидимому предназначенными, ввиду недостатка настоящих винтовок для обучения запасных.

Не смотря на страшную усталость – я силился отогнать сон но не мог побороть его и заснул.

Проснулся я от криков ура и топанья солдатских ног. В настежь открытия ворота ворвались стрелки, схватили деревянные ружья и бросились на моих спящих людей.

Трудно представить себе панику среди спящих [illegible] солдат, попавших в приготовленную им ловушку. Часть из них [illegible] силась под нары, часть к окнам, – находившимся более чем [illegible] роста, а часть схватила винтовки с целью самозащиты. Видя [illegible] неудачную попытку терроризировать мой отряд и видя что [illegible] стрелки бросились заряжать пулеметы, стрелки удалились, пригрозив вечером расправиться с нами.

После этого случая, мне стало ясным, что моя надежда найти в Царскосельском гарнизоне - верных своей присяге части, была сплошным мифом. Чья-то невидимая рука дёргала свое грязное дело не встречая сопротивления. Какой иронией звучали слова генерала Рагина, когда он сказал, "здесь есть свои части, которые защитят Государыню в случае надобности."

Успокоившись от внезапного нападения стрелков не ожидая худшего, мои люди конечно не могли отдохать, а разобравшись свои винтовки, остались в манеже ожидая моих дальнейших распоряжений. Но какие мои могли быть распоряжения, когда я находился в подчинении начальнику гарнизона генералу Осипову. Да и вообще кто мог сделать начальник уже взбунтовавшегося гарнизона, когда его власть распространялась только лишь на писарей его канцелярии. Тогда мне ничего не оставалось лично поехать к нему, объяснить ему создавшуюся обстановку, и просить разрешения вывести мой отряд из ловушки, куда его завели, и стать в районе Павловска, где он сможет стать угрозой, в случае вооруженного выступления рабочих в Царском Селе.

Обещавши людям перевести их в другое место и приказав им быть готовыми к выступлению, я на том же захваченном автомобиле, поехал в Штаб Гарнизона. Уже вечерело когда я подъехал к Штабу. Штаб работал полным ходом игнорируя Петроградские события, которые нужно думать, ему были известны.

Не вбежал а просто влетел я в кабинет начальника гарнизона генерал-Лейтенанта Осипова, занятого подписываниями каких то бумаг. Не стесняясь присутствием писарей, я изложил ему в кратких словах, о положении в котором находится

мой отряд и указал ему, что оставаться больше без расположения стрелков не могу, желая избежать бесполезного кровопролития и потому просил генерала Осипова разрешить поставить моих солдат на другое назначенное им место.

Я никогда раньше не встречал генерала Осипова и его не знал. Небольшого роста человек, с седой короткой бородой, без защитного кителя и длинных штанах, без всякого оружия, он собой больше напоминал сельского учителя, но никак не начальника гарнизона, охраняющего резиденцию Государя.

„Вы должны оставаться там, где вас поставили", сказал генерал Осипов. „Я начальник гарнизона, а не вы, что бы решать где лучше вашим людям находиться", гневно добавил генерал.

Трудно рассчитывать на сдержанность и хладнокровность человека поставленного выше старшего начальника в безвыходное положение, морально отвечающего за жизнь вверенной ему части, уже испытавшему на опыте, никчемных и вредное приказание генерала Рагина, а потому я подчинившись этой человеческой слабости, тем же гневным голосом заявил генералу Осипову „Ваше Превосходительство, у меня есть сведения что в часе ходьбы ваши гарнизоны войдут на улицу и присоединятся к бунтующим рабочим, Вас навряд не будет в Вашей канцелярии, а может быть в самом Царском Селе, я же останусь со своими людьми до конца и не брошу их.

Как отбитый генерал Осипов на эти мои слова, мне осталось неизвестным, я круто повернулся и вышел из кабинета. Знаю лишь, что все мое предупреждение было выполнено генералом Осиповым: он бросил свой гарнизон, которому была доверена охрана Царского Села.

Этих моих генералов была вручена судьба Царской Ставки с моими трусами и предателями они оказались.

Медлить нельзя было ни минуты, нужно было возвратиться к своему отряду и принимать самостоятельные решения не рассчитывая ни на кого и ни на что. Мой шофер Гнач полными ходом что бы наверстать потерянное в штабе время. В полной темноте я выехал во двор стрелковых казарм и остановился у борта манежа. В ту же минуту раздались по манежу ружейные выстрелы. Я выскочил из машины и сейчас же был окружен моими людьми. „Ваше Высокоблагородие,- что нам делать? В ваше отсутствие здесь стрелки и обещали всеми расправиться с нами. Вы слышите выстрелы, это по нам стреляют.

Думать и рассуждать было некогда. Я видел измену и предательство со всех сторон и не хотел гибели моих побратимов моих солдатам. Я приказал немедленно сорвать наши башлыки петлицы на шинелях и разсыпаться на все четыре стороны пробираясь в Петроград, сам вскочил в автомобиль и полным ходом проскочил узкий переулок, который был на артиллерийский полигон, свернувши на широкую улицу ведущую вдоль казарм и летел мимо всех. Но Бог хранил меня. Только несколько пуль попало в верх автомобиля, продырявив его.

Выехав на широкую улицу я остановился перед огромной скопищем собранием и автомобильными судами видел находившихся там своих офицеров. Нужно было спасать их от разъяренных стрелков. К счастью электричество на станции было выключено и Царское село погрузилось во мрак. Благодаря этому неожиданному случаю, предприятие по спасению офицеров в чудесе блестящее, офицеры были погружены в автомобиль, которому я дал направление к вокзалу, вблизи которого находилась лазарет Великица Вольтерс, которого я знал лично и где

Подгулявшая на главной улице нашей молодежь, [illegible] красными флагами, стрелявшая в воздух, двигалась по [illegible] ей не удалось проскочить в промежуток между колонной достигнуть своей цели. Я поднялся в лазарет и позвонил [illegible] мне вышла сама хозяйка лазарета Евгения Вольтерс [illegible] нами с удивленными лицом, полная недоумения о причине такого позднего появления в Царском Селе. Я кратко объ[illegible] эту причину и просил ее принять под видом раненых [illegible] моих офицеров, обещая утром увезти их в Петроград.

Испуганная беспорядками в столице [illegible] сердце отказалась принять к себе моих офицеров, предложив [illegible] питер в последний лазарет Красного Креста находящийся недал[illegible] от того места куда мы приехали. Я нашел [illegible] лазарет, - охотно предоставивший нам гостеприимство и зачислил [illegible] моих офицеров ранеными. Горя нетерпением узнать, что [illegible] у дворца я устроил своих офицеров на ночлег [illegible] лимит в городе. Для того, что бы не бросаться в глаза [illegible] офицерской формой, я один [illegible] находящегося здесь [illegible] в лазарет - санитара, взяв с собой [illegible] белого халата и [illegible] за[illegible] пхать к Александровскому дворцу.

Не доезжая до дворца [illegible] я оставил автомобиля и убедился картину которая успокоила [illegible] бой, слышны, стояла толпа требующая выпустить ее во [illegible] С другой стороны ворот какие то люди штатские [illegible] уговаривали толпу отказаться от ее намерения, обещая [illegible] няя бремени. Чувствовалось, что уговоры и обещания [illegible] верх и пребывания толпа не будет [illegible] что нашлась отдушина, которая стала очень заманчивой,

с погромами винными погребами и трактирами въ городѣ. Туда бросилась толпа выполнять свой революціонный долгъ. Вездѣ за ней поѣхали и я со своими бѣлетовыми. Къ сожалѣнію бо̀льшую часть города мнѣ не удалось попасть. Громилась заполнили всѣ улицы, прекратившимъ всякое движеніе по нимъ, въ поискахъ погребовъ съ винными магазиновъ.

Сытая хмѣлъ я удовлетворилъ свое любопытство, и хотя миссія офицера была правда не по моей винѣ, окончена, я сѣлъ въ автомобиля и хотя бы замѣсто своей слѣда, приказалъ шоферу ѣхать куда хочетъ, а бѣлетовому пробѣгать мое приказаніе и сопровождать нѣкоторое бремя шофера, а затѣмъ вернуться пѣшкомъ въ лазаретъ. Подъ утро, хмѣльной, пригнѣлъ ко мнѣ моей бѣлетовой, съ двумя бутылками коньяку „Мартель." Одну мы тутъ-же роспили, а другую я подарилъ сестрѣ-милосердія такъ радушно принявшей меня и моихъ офицеровъ въ лазаретъ.

Тревога въ Царскомъ Селѣ начала утихать, ожидался пріѣздъ Государя.

Мнѣ предстояло вернуться въ Петроградъ, явиться въ запасный полкъ и узнать о судьбѣ моихъ разбѣжавшихся людей.

Царскосельскій поѣздъ привезъ меня въ ликующій городъ Петроградъ. Выйдя съ вокзала я былъ пораженъ его необычнымъ видомъ. Улицы были запружены народомъ, восторженно выражавшимъ свою приверженность революціи. На каждомъ углу, на каждой площади, стояли группы людей и солдатъ безъ поясовъ, нерѣдко безъ оружія, обсуждая событія дня, щелкая сѣмячки и оглашая воздухъ пѣснями марсельезы. Порядокъ охранялся какими то молодыми людьми сомнительнаго вида, бо̀льшею частью въ студенческой формѣ съ винтовкой на ремнѣ. Въ подмогу имъ появились убѣгающіе пулеметными лентами армейцы изъ Ораненбаума, и матросы со звѣринными рожами изъ Кронштадта. Безконечными колоннами двигались по улицамъ рабочіе и работницы, идущіе на поклоненіе новой власти въ Таврическій дворецъ, неся плакаты и красные флаги.

[illegible] и [illegible] в [illegible] свободы, не задумываясь о [illegible] какие страдания она принесет ему в недалеком будущем.

Вдруг откуда-то раздалась очередь пулеметных выстрелов. Толпа как безумная бросилась в подворотни, распласталась по земле, полная недоумения и животного страха. Кто стрелял и откуда велась стрельба осталось не выясненным. Да и зачем было стрелять, когда сопротивление было сломлено и восстановить прежнюю власть одной пулеметной очередью было безсмыслицей. Я не верю слухам распространявшимся в Петрограде что это Керенский и окончательно стреляла полиция. Если это так, то полиция должна была стрелять в первый день восстания, когда была еще надежда, что войска окажут сопротивление, но не тогда, когда все было кончено и старая власть сдалась на милость победителей. Я думаю что стреляли провокаторы, подкупленные немцами, которым была выгодна анархия, но никак не Временное правительство со его лозунгом „Война до победного конца."

Но вот испуг прошел и толпа требовала жертв. Какие-то типы с винтовками бросились в дома искать виновников стрельбы, нагоняя ужас на жителей квартир верхних этажей и передних помещений. Перерывалось все, до нижнего белья включительно, уносилось все что было ценного, искали оружие даже у детей. Правда, иногда удавалось поймать штатское лицо с оружием. Но кто было это лицо - могло обнаружить только следствие. Следствия не существовало. Толпа кроваво расправлялась с таким пойманным, - признавая в нем переодетого городового. Началась гонка за городовыми и жандармами. Пойманных убивали безо всякого повода. Убивали жестоко, звериски. Я не могу забыть одну сцену, которая глубоко врезалась в мою память. По Измайловскому проспекту мимо меня проезжала ломовая телега, нагруженная убитыми городовыми, одиннадцать еще давали признаки жизни. Их голова свешивалась с кузова

[illegible] обильными отъ мостовой подействовала на толпу и разгорячила городовому головы.

Такъ погибали вѣрные сыны своей родины. Такъ погибъ нашъ однополчанинъ Полковникъ Никита Куликовъ не вынесшій уличнаго разнузданной толпы и разразившійся бранью по ея адресу. Они были заколоты штыками.

Я торопился придти на свою квартиру находившуюся недалеко отъ Обводнаго канала, чтобы переодѣться, привести себя въ порядокъ и явиться въ штабъ-полка. Дикіе крики „Топи его ерша" остановили меня и я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, какъ въ прорубь были брошены еще живыми Начальникъ Путиловскаго завода Генералъ Барделлиусъ. Толпа своими уличаніями подбодривала убійцъ въ ихъ кровавомъ дѣлѣ. Благоразуміе и самосохраненіе у меня взяло верхъ. Хотя и былъ одѣтъ въ гимнастерку прапорщика, а прапорщики въ эти позорные дни были въ модѣ, тѣмъ не менѣе въ толпѣ могли быть запасные моего полка, которые узнавъ меня, легко могли отправить меня въ слѣдъ Генералу Барделлиусу. Чтобы скрыться отъ толпы, я свернулъ въ боковую улицу а затѣмъ прошелъ къ себѣ на квартиру.

Войдя къ себѣ въ комнату, я не узналъ ее. Она была разграблена солдатней, задача которой было отбираніе оружія у офицеровъ. И дѣйствительно, у меня они нашли его въ достаточномъ количествѣ. Въ началѣ войны мнѣ удалось вывести изъ Варшавы большую коллекцію старинного оружія, принадлежавшую моему покойному отцу. Она вся попала въ руки грабителей. Ни требовать возврата отобраннаго оружія, ни жаловаться на грабителей, было безцѣльнымъ занятіемъ, пришлось покориться безчинствующей силѣ и въ безсильной злобѣ закусить губы.

Собравъ кой какіе разбросанныя мои вещи, переодѣвшись,

и никуда себя не пускать, а оправиться в штабе полка, чтобы
удалить о своем прибытии.

На своем пути в штаб первого я встретил из
числа полка, своих унтер-офицеров Пикельгаупта, закройщика
полковой гибальни. Как безумный он бросился ко мне со словами
„Ваше Высокоблагородие, что это происходит, начальство
в кругом все командуют. В казармах митинги, ругань и
бразня, а полковой комитет из бабернаго людей - беспомощен
Возьмите хоть Вы власть в свои руки" Успокоив как мог
служаку еще по мирному времени, я изменил свое намерение
в штаб полка, а пошел в учебную команду, находившуюся
офицерскаго собрания с целью лично убедиться в правильности
Пикельгаупта и пробрить, все ли люди бывшие со мной в Ус
ском (полк вернулись в казарму.

Войдя в помещение учебной команды, я не услышал обыч
команда „встать смирно," а лишь увидел насупленные, хмурые
взоры людей, почувствовавших себя хозяевами положения, сер
жившаго моим неожиданным появлением. Тут я понял
что попал в положение волка на псарне. Вчуть о моем приходе
быстро разнеслась по другим помещениям, и около меня стали
собираться люди как нашего полка, так и других, матросы
и штатские люди

Не теряя присутствия духа и дичая будь что не замечаю
перемены происшедшей в учебной команде, я не обращаясь ни к
кому задал вопрос „ Вернулись ли люди бывшие со мной в
Устюжском (Полк в казарму и сколько их не вернулось" Отвлеч
на заданный мною вопрос я не получил, но кто-то стоявший
позади групы собравшегося около меня с желтой физиономией
и развязанным видом, сказал; сколько людей вернулось
вернулось нам это неинтересно. Нам хочется знать,

бы ходили съ отрядомъ въ Царское Село, навѣрное спасать Царицу, бороться съ народомъ и позорить нашъ полкъ, который изъ за васъ не вышелъ на манифестацію новой власти."

„Я исполнялъ приказаніе начальства и увѣренъ что каждый изъ васъ, будучи на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы такъ-же. Исчерпывающія объясненія я далъ полковому комитету," рѣзко отбѣтилъ я и вышелъ изъ казармы.

На этомъ я оканчиваю свои тяжелыя воспоминанія, всю послѣдующую мою жизнь, тяготившія вопросомъ, кому нуженъ былъ этотъ бунтъ во время войны, что далъ онъ Россіи и кто виновникъ въ его допущеніи?

Сергѣй Лучаниновъ.

Мартъ 1955 года
Парижъ.